

Призрак выходит в свет

«— Клянусь небом! Это никакая не эктоплазма, это бифитекс!»

— Артур Свордфши, я полагаю? — Меня зовут Джон, ваша светлость.

«При виде призрака лорд Сесил нырнул обратно в постель, но почти тут же, устыдившись своей слабости, спросил с самым невозмутимым достоинством:

— Джон? Еще один призрак? — Нет, ваша светлость. Я еще учусь в школе. — Боже всемогущий! У меня тут целая школа призраков! Тогда все понятно!»

Читателю, разумеется, из этих завлекательных цитат понятно не все, но многое. Прежде всего ясно, что перед ним интересная, остроумная, веселая книга. Да и название у нее многообещающее: «Профессия — призрак». Известно, что имя во многом определяет судьбу. История книги о профессиональном призраке подтверждает эту истину. Первое издание «Призрака» появилось во Франции в конце семидесятых годов, тогда же она попала в Советский Союз и была предложена для перевода в издательство «Детская литература». Произведение казалось абсолютно «проходным», то есть цензуре вроде бы не к чему придираться. Герой — бедный смысленный мальчишка, а обнищавшие шотландские аристократы и разбогатевшие выскочки-янки выставлены в смехотворном виде, все правила классово-борьбы соблюдены. Но с идеологией не шутят! В Детгизе был целый штат бдительных рецензентов. Перестраховка никогда не повредит, ведь сколько раз случался конфуз: издадут вроде бы безобидного детского поэта, а он возьми да и выскажи где-нибудь что-нибудь антисоветское. Из зарубежных авторов поэтому предпочитали уже покойных, от которых никаких неожиданностей ждать не приходится. Живые же проходили пристальную проверку. И что же? Автор заявленной книги Юбер Монтеле оказался неблагонадежным. Не то чтобы он высказывался против агрессии в Чехословакии или защищал наших политзаключенных, нет, он просто писал детективы и триллеры в серии «Черный поток», то есть был представителем гнилой буржуазной маскультуры. И всё... Бедолаге Джону и изобретательному лорду Сесилу, героям книги, которую умелый бел-

летрист, бесспорно, написал в свой звездный час, путь на прилавки советских магазинов был перекрыт.

Шло время. В 1990 году парижское издательство «Фернан Натан» переиздало книгу, полюбившуюся французским детям (да и взрослым — недаром автор адресует ее читателям «от восьми до восьмидесяти»). В России новое издание попало в руки замечательной переводчицы Юлианы Яхниной; смеясь до слез, она прочла книгу за одну ночь и предложила ее одному из крупных по тем временам издательств. Начались переговоры об авторских правах. Наконец «Фернан Натан», разжалобленный письмами русских издателей (дескать, раньше не могли этот шедевр издать по политическим причинам, а теперь денег не хватает), сбавил цену наполовину. Заключили договор. Но тут закололо: то у издательства дела нехороши, то рынок перенасыщен, то как-то вообще не до того, а то и вовсе срок, на который были куплены авторские права, истек. Голодный Джон, кичливый лорд Сесил, толстый Уинстон и противный Дашнок вели какое-то призрачное существование: то ли есть книга, то ли ее нету...

Прошло еще несколько лет. Другое издательство, ОГИ, заинтересовалось похождениями призрака в старинном шотландском замке. Яхнина сделала блестящий перевод, который настолько понравился ее коллегам, что был напечатан во вполне взрослом журнале «Иностранная литература» (2001, №2). Но эта публикация не имела большого резонанса, а злая судьба опять стала вставлять палки в колеса: сверстанная книга задержалась еще на пару лет. В 2004 году скончалась переводчица, и вот наконец теперь, в 2005-м, призрак вполне материализовался.

Так повесть «Профессия — призрак» в переводе Юлианы Яхниной стала украшением и без того весьма достойной детской серии ОГИ «Книжки на вырост».

Собственно, вся книга — записки привидения, выдержанные в несколько пародийном духе. (Французы издавна любят писать пародии на своих островных соседей.) Восьмидесятилетний Джон воспомина-

ет о временах своей юности, когда конечно же и его родная Шотландия была зеленее, и ее озера чище, и небо голубее, и юбочки горцев добротнее и дешевле. Но шотландские аристократы уже тогда голодали в своих родовых замках.

В одном из них, замке Малвенор, разворачивается действие повести и начинается небывалая карьера главного героя, предугаданная старой цыганкой. «Ты, дружок, создан для жизни в замке», — сказала она нищему сиротке Джону и уточнила, что ему не быть там «ни слугой, ни господином, ни хозяином, ни человеком, ни ангелом, ни животным». Кем же? Призраком — подсказывает название книги.

Это только кажется, что беглый мальчишка забрел в замок случайно, прячась от непогоды, — не случай, а судьба привела его сюда и нарядила убиенным 19 августа 1588 года отроком Артуром.

Надо сказать, книга удивительно кинематографична — так и просится на экран. На сравнительно небольшом бумажном пространстве (двести с небольшим страниц) умещается головокружительная череда невероятных событий. Для детской книги такая емкость — большое достоинство. Удивительнее же всего, что стремительность повествования не убивает красоту языка. Он становится не выхолощенным, как в комиксе, а насыщенным, полнокровным, и все эти качества сохраняет перевод.

Не стоит портить читателю удовольствие дальнейшим пересказом, лучше, подобно дворцовому Джеймсу, который проводит туристические экскурсии по Малвенору, показать несколько особенно выразительных портретов его обитателей.

Мэтр Дашнок — домашний учитель, знаток оккультных наук, автор книги «Как сфотографировать эктоплазму» (мудреная эктоплазма — это материализовавшийся призрак), которого, однако, в критический момент «охватил незапланированный ужас», так что начинающему привидению пришлось самому нажать на грушу фотоаппарата.

Леди Памела — сестра владельца замка лорда Сесила, соблазнившая будущего призрака яблоком, смутившая и испугавшая его вставной челюстью, а потом пославшая на рыцарский подвиг: освободить племянниц-двойняшек от страшной участи угодить в жены толстому лысого пуговичного короля.

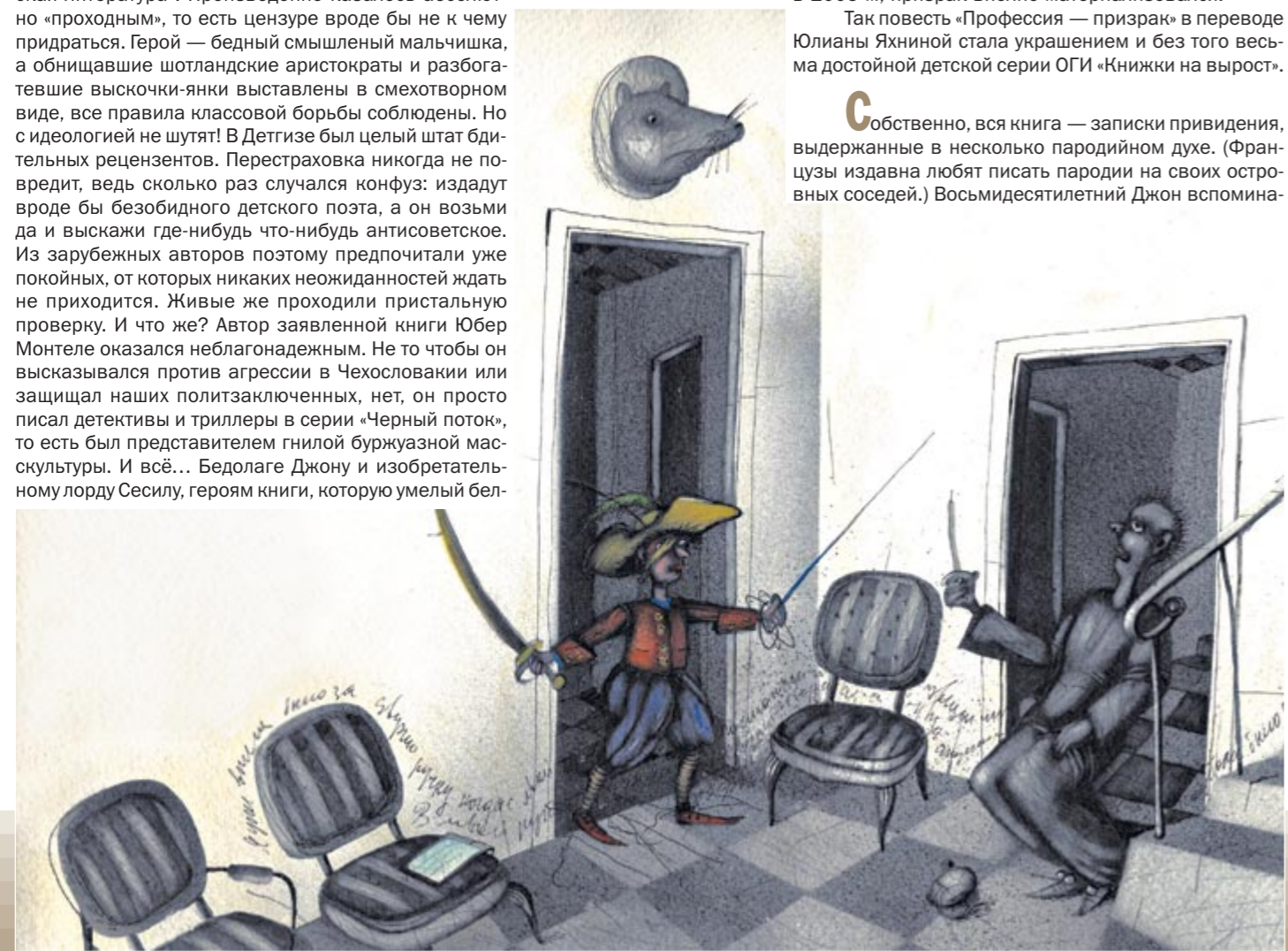
Такса Юпитер — страж опочивальни мэтра Дашнока, единственное существо в замке, не боящееся призраков и доставившее так много неприятностей юному герою, что он, вместо «Мене, теке, фарес», написал заячьей кровью на страницах Апокалипсиса «Мене, таксел, фарес», что, впрочем, не умалило эффекта этого деяния.

Переходя от одного чуда к другому, читатель доберется до эпилога, где узнает, за что доживший до почтенной старости Джон получил дворянский титул от британской королевы и кто явился ему однажды в ванной комнате с волынкой в руках. Ну а самые лю-

бопытные, заглянув в примечания, обогатят свой лексикон такими словами, как «кордегардия», «бильбоке» и «вермель», а также познакомятся со многими историческими лицами, от Валтасара и Митридата до Луи Пастера и Буффало Билла.

Наталья Мавлевич

Дети

«Это мои стихи...»

Хочется познакомить читателей «Семья и школа» с новым поэтом.

Саша, или Александр Васильевич Соловьев, как он сам представляется, родился и живет в Петербурге. Недавно ему исполнилось три года. Любит играть словами и звуками. Еще любит краны, экскаваторы и локомотивы. И цветы. И музыку. Стихи сочиняет нечасто, в основном придумывает длинные истории с пространными диалогами и неожиданными сюжетными поворотами. Мечтает стать машинистом.

Притягивает его и небо: «Мама, посмотри, какое небо! Давай пойдём по небу». Прыгает с тумбочки, раз, другой... Недоволен: «Что-то мне не летится».

Походя, как бы между прочим, поднимаясь по лестнице, сочинил очередной стишок:

У Сашки-таракашки
Маленькие кармашки.
В них помещаются билетки
И маленькие предметки.

Поздравляя его по телефону с днем рождения, спрашиваю: «Сашенька, а кто написал стихи про Сашку-таракашку?» — «Никто не написал, это мои стихи». — «А ты знаешь, что твой дедушка сравнивал с тараканом розу?» — «Нет, не знал». — «Ты не хотел бы приехать ко мне в гости в Лондон?» — «Сейчас не могу, — отвечает Саша, — мы идем гулять с экскаватором».

На день рождения Саша получил много подарков, в том числе самосвал и экскаватор, который чуть меньше его самого и с которым он спит в обнимку.

Читает с мамой «Вини-Пуха», «Конька-Горбунка» и «Калевалу». Понял, как соединяются буквы в слова. Знает много чужих стихов, в частности «Вчера мой кот взглянул на календарь» Саши Черного. Любовь к котам, видимо, наследственная. Недавно с бабушкой был в Эрмитаже, больше всего понравились дядьки со змеями (Лаокоон), а в Русском музее — «Последний день Помпеи» и мальчик с крылышками.

Валентина Полухина